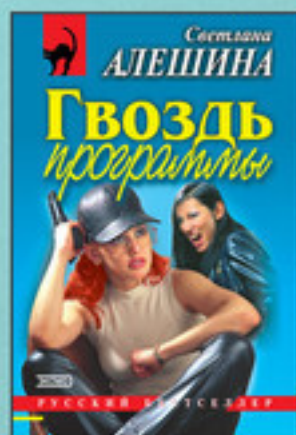

Светлана Алешина

Странница в ночи

Часть сборника
Гвоздь программы (сборник)

Александра

Светлана Алешина

Страница в ночи

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Странница в ночи / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Александра)

«...В этот момент в дверь позвонили, и я, вздохнув, пошла открывать. Наверняка Ларчик забыл ключ.— Нико... — начала я, распахивая дверь, и осеклась. На пороге стояли два огромных детины, и один из них совершенно невежливо направлял на меня револьвер. Я невольно отступила, отчаянно ругая себя за проявленное легкомыслие.— Что вам надо? — пробормотала я. Их лица были спрятаны от моих нескромных взоров под идиотскими масками Микки Мауса, они втолкнули меня в ванную и заперли...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Алешина

Страница в ночи

Глава 1

На улице царил такая духота, что хотелось дождя. Дождь же Господь выдавал маленькими порциями и исключительно по ночам. Поэтому я сидела абсолютно размякшая и думала о том, как было бы хорошо сейчас оказаться не в этом сумасшедшем от жары городе, а там, где синее теплая Волга, окунуться туда и не выползть из воды до самого окончания этой одуряющей парилки.

Не помогал даже купленный Ларчиком специально для меня вентилятор. Я пыталась пристроиться таким образом, чтобы струи воздуха достигали моего разгоряченного лба, но – увы! Вентилятор совершенно не справлялся со своими функциями, и я чувствовала себя омерзительно.

Жалостливый мой босс оставил меня сегодня в помещении, а сам мотался по делам странного бизнесмена, которого, кажется, кто-то обжуливал. Я же должна была торчать здесь, отвечать на звонки и обольщать новых клиентов, если они вдруг решат забрести к нам. Судя по тишине, царящей в нашем «офисе», все клиенты отправились на пляжи и дачи, а преступные замыслы таяли под напором солнечных лучей. Ну какие там замыслы, подумайте сами? Охота вам в такую жару вынашивать преступления, да еще и совершать их! Если у вас с психикой все нормально, вы откажетесь от этого до наступления прохладной погоды. А сейчас...

Я с тоской посмотрела в окно. Все удрали на Волгу. Одна я сижу тут в душной комнате и жду неизвестно чего. По радио играла музыка, вентилятор продолжал гудеть, изображая из себя моего благодетеля, хотя, на мой взгляд, его просто распирало от мании величия, и я хотела, чтобы скорее наступил вечер.

– Хочу зимы. Хочу снега. Хочу мороза, – бормотала я. – Сейчас я бы выбежала на снег раздетой и забралась бы в сугроб. Может быть, мне вообще стоит подумать о переселении в Гренландию?

От моих мечтаний мне даже почудилось, что в комнате стало прохладнее. Как будто из благословенной, холодной Гренландии мне послали горсточку снега.

В этот момент в дверь позвонили, и я, вздохнув, пошла открывать. Наверняка Ларчик забыл ключ.

– Нико... – начала я, распахивая дверь, и осеклась.

На пороге стояли два огромных детины, и один из них совершенно невежливо направлял на меня револьвер. Я невольно отступила, отчаянно ругая себя за проявленное легкомыслие.

– Что вам надо? – пробормотала я.

Их лица были спрятаны от моих нескромных взоров под идиотскими масками Микки Мауса, они втолкнули меня в ванную и заперли. Я отчаянно заколотила в дверь, пытаясь привлечь к себе внимание. Ничего себе ситуация! Меня явно собирались ограбить, даже не меня – Ларчика! Наше детективное агентство! Нет, это же бред какой-то!

Они работали молча и не собирались выпускать меня на волю. Потом я услышала быстрые шаги и стук захлопнувшейся двери.

Так, простонала я. Придется сидеть здесь до пришествия Ларчика. А если он действительно забыл ключ? И все это – по моей вине, из-за идиотской манеры распахивать дверь! Когда я наконец отучусь от этого?

Раздумывать, как мне отучиться от дурной привычки открывать двери всем желающим шархнуть меня по голове, было особо некогда. Надо было выбираться отсюда и посмотреть,

что у нас с Ларчиком украли. Клиентов у нас в данный момент было не густо – только обманутый подчиненным глава фирмы; денег, соответственно, наличествовало столь мизерное количество, что я бы лично рисковать своей свободой из-за них не стала. Не минералку же из холодильника они пришли прибрать к рукам? Если только предположить, что жара окончательно свела их с ума...

Отчаянно ругая Ларчика за нездоровую идею поставить запор с внешней стороны, я пыталась выбраться, дергая дверь. Наконец я поняла, что все мои усилия тщетны, и мрачно уселась на край ванны, обдумывая свое плачевное положение. Когда придет мой босс, я не знала. Что он сделает из меня отбивную, в этом я не сомневалась. Сигарет не было – они остались в комнате. За стеной надрывалась музыка, которая не могла развеселить меня, поскольку я во всем теперь видела только мрачные оттенки – сами вот окажитесь в таком положении, тогда посмотрим, какое развеселое у вас будет настроение!

* * *

Странности в жизни скромного продавца аудиокассет Володи Баринаова начались после того, как погибла его бабушка. Конечно, странным был уже и тот факт, что восьмидесятисемилетняя старушка умерла не своей смертью, а попала под расфуфыренный и нахальный «мерс». До этого же Антонина Ивановна Баринаова поражала окружающих здравым рассудком и такой памятью, которой мог бы позавидовать молодой и здоровый человек.

Володя, например, был потрясен, когда бабушка поведала ему, что из-за того, что не может перед сном читать по слабости зрения, засыпает, повторяя про себя Вергилия. Если бы вы попросили рассказать наизусть «Энеиду» самого Володю, он вытаращил бы на вас глаза – дай бог «Я вас любил» вспомнить, а бабушка шпарила весь свой классический репертуар без запинки. Да что там это – перед тем как отправиться в свой последний «поход», она уселась за пианино и сыграла вальс Шопена, после чего, закутив «Беломор», взмахнула рукой и сказала:

– Теперь, мон шер, все жизненные трудности я смогу перенести стоически. Главное – получить заряд высоких чувствований, чтобы омерзительность бытия не могла затуманить рассудка и превратить тебя и меня в животных.

Так и выпорхнула за порог, подобно шестнадцатилетней девочке-подростку – мотылек с крылышками. Выпорхнула – и улетела в заоблачные выси, туда, где, как говорилось в вечерней молитве все той же бабушки, «ни боли, ни горечи – только свет божественный». За порогом ее поджидал пресловутый шестисотый «мерин», владельцу которого было явно наплевать на «божественный свет», вальсы Шопена и творения Вергилия – для него Антонина Баринаова была просто странной старушкой, мешающей движению, поскольку шла она с сумкой, доверху нагруженной пустыми бутылками из-под пива, которые она собирала на стадионе и в парке, окружающем тот самый рынок, где Володя торговал кассетами.

К смерти бабушки Володя отнесся фаталистически – хорошо, что старушка не успела ничего почувствовать, настолько сильным был удар и мгновенной – смерть. Вернувшись с похорон, он поплакал, попробовал сыграть вальс Шопена, но легкости, таившейся в старческих пальцах бабушки, у него не было, потом закурил оставленный бабушкой «Беломор», закашлялся и выкинул его. Слишком крепким он ему показался, от горечи папиросок и в душу проникла горечь. Тут Володя опять попробовал расплакаться – да слез уже не было.

– Я остался совсем один, – сказал он себе. Отчего-то вспомнилось, как баба Тоня говорила пятилетнему Володе, потерявшему родителей в автокатастрофе:

– Плачь не плачь, мальчик мой, а нам с тобой надо жить. Никакой радости маме и папе от наших с тобой рыданий не будет – только к Богу им мешаем уйти. Так что давай лучше поможем им.

– Как? – прошептал тогда Володя, глотая слезы.

– Тем, что будем приличными людьми, – передернула плечом бабушка. – Бог тогда посмотрит, какого хорошего сына они произвели на свет, и многое им простит за тебя.

При этом она горестно вздохнула, посмотрела на серое, затянутое тучами небо и перекрестилась.

Тогда маленький Володя еще не знал, что за тайна так угнетает его бабушку. Впрочем, и потом все ее недосказанности и недомолвки он не пытался разгадать. Знал он только, что было у бабы Тони двое сыновей и оба умерли. И что есть у него двоюродный брат Никитка, которого он никогда в жизни не видел, да, верно, никогда уже и не увидит...

Бабушка про свою невестку Таню вспоминать не любила, а та на общение не напрашивалась – единственное, что Володя знал, это то, что Таня уже лет десять была замужем за каким-то директором завода и жила не тужила, а с Володиным дядей у нее отношения не сложились. Как и с бабушкой. Вопросы о своих родственниках Володя не задавал – он был неглупым мальчиком и видел, что бабушке неприятно было вспоминать про тетю Таню, а раз неприятно – не надо терзать ее.

* * *

В комнате надрывался телефон, которому я совершенно ничем не могла помочь, я сидела в ванной, мрачно рассматривая орнамент, образованный трещинами рядом с газовой колонкой, и думала, какая же я все-таки недотепа, раз вляпалась в наиглупейшую ситуацию. В конце концов, я поняла, что на самом-то деле виноват во всем Лариков, которому пришла в голову нездоровая мысль разместить свое агентство в собственной квартире.

В это время открылась дверь, я обрадовалась, думая, что пришел Ларчик, и приготовилась закричать, но вовремя остановилась.

Шаги были чрезвычайно осторожными, человек, пришедший в наш офис, явно не напрашивался на общение. Более того – этот гость старался двигаться бесшумно.

Я притаилась, боясь стать жертвой очередного нападения, особенно когда шаги остановились рядом с ванной и я почти услышала, как мой гость затаил дыхание, прислушиваясь. Я в свою очередь тоже замерла, правда, именно в этот неподходящий момент мне больше всего на свете хотелось чихнуть, но я зажала нос и мужественно терпела. Наконец, удовлетворив свое нескромное любопытство, от моей двери отошли, и очень скоро дверь снова хлопнула. К собственному удивлению, я услышала голос Ларчика:

– Прости, что ты тут, собственно, делаешь? И где Саша?

* * *

Представив себе, где они меня сейчас обнаружат, я сначала притихла, а потом расхохоталась. Ничего себе картиночка – помощника частного детектива находят запертым в ванной!

Мой смех стал для них подобием маяка в ночи для потерявших курс кораблей – около ванной раздался топот, потом Ларчик осторожно поинтересовался:

– Сашка? Это ты?

Неизвестный гость изумленно протянул:

– Там же никого не может быть... Взгляни – дверь заперта снаружи! Как твоей Саше удалось запереть себя подобным образом?

Тоже мне детектив! Вот такая пришла мне в голову нездоровая мысль... Однако, если я не подам голос, Ларчик так и будет размышлять, каким образом я проявила чудеса смекалости, закрыв саму себя в этой противной ванной комнате!

– Андрей Юрьевич! – позвала я елеиным голоском. – Откройте, пожалуйста!

– Господи, – изумился гость. – Она действительно там! Как же это?

Ларчик быстро открыл, и я предстала их взорам с безмятежной улыбкой. Можно было, конечно, как несчастной пленнице встретить их потоками слез и радостными объятиями, но ситуация меня так рассмешила, что я расхохоталась.

– Саша, что ты здесь делаешь?

– Купаюсь, – сказала я, сдерживая хохот, и пропела: – «Мыла Марусенька белые ножки»... Что еще может делать в ванной вполне приличная девушка, воспитанная в пуританской семье? К тому же одна!

Гость, который оказался вполне симпатичным молодым человеком в усах, таращился на меня столь удивленно, что я опасалась за его рассудок – не каждый день ты находишь помощников детективов в ваннах, да еще запертых снаружи!

– Что тут произошло?

– Ничего, – сообщила я. – Вломились в маски Микки Мауса и затолкали меня сюда... Кстати, что они украли, интересно? Пока я сидела там, меня эта проблема занимала больше всего на свете. Что у нас с тобой можно стырить, а, Ларчик? Неужели наш компьютер с шизофреническими наклонностями?

Ларчик метнулся в комнату и облегченно вздохнул:

– Нет, он на месте...

Я искренне пожалела, что этого монстра не сообразовали удалить от меня на безопасное расстояние – он только и делал, что зависал в самый неподходящий момент.

– Ну, тогда я вообще ничего не понимаю, – развела я руками. – Сия проблема является абсолютно непостижимой для моего детского, неразвитого ума!

Я вышла и осмотрелась.

Знаете, что было самым странным?

В комнате царил абсолютный порядок! То есть два кретина в масках приходили сюда с непонятными целями. Неужели они рисковали свободой исключительно для того, чтобы записать Сашу Данич в ванную? Нет, это маразм...

– Андрей, – сказала я, став серьезной, – мне все это почему-то ужасно не нравится... Как-то слишком странно повели себя эти ненормальные!

– Саша, в конце концов, это могла быть просто шутка подростков, – начал было Андрей, но я прервала его:

– Нет. Надо внимательно проверить все. Даже компьютерные файлы. Подростки унесли бы магнитофон. А он тоже стоит на месте.

Андрей сурово посмотрел на меня и сказал:

– Я сначала поговорю с Виктором Сергеевичем, а потом уж мы займемся проверкой.

Я вздохнула, но что я могла поделать? По части упрямства мой шеф явно превосходил меня!

– Может быть, я начну без тебя?

– Ты можешь нам понадобиться, – отрезал Ларчик.

Он сел в кресло.

– Найди нам данные по делу Шлендорффа.

– Кого? – переспросила я.

– Розовая папка. Третья сверху.

Я отправилась за ней, размышляя, с чего моего Ларчика вдруг начали интересовать иностранцы, и, пошарив взглядом по полке с папками, решила, что у него безнадежно съехала крыша. Вернувшись, я остановилась в дверях и сказала:

– Нет там такой папки!

Ларчик окинул меня таким взглядом, что я без труда догадалась, что он думает о моих умственных способностях, и встал.

– Я сам найду.

Я пожала плечами, проигнорировав его испепеляющий взор, и пропустила его.

Очень скоро он появился растерянный и развел руками.

– Ее там действительно нет. Куда же я мог ее положить?

* * *

– Все, отдыхайте...

Татьяна устало опустилась в кресло, наблюдая, как ее ученицы разбредаются по классу – стройные, изящные, но – бог мой, сколько же она сама настрадалась из-за своих чересчур мускулистых ног и рук!

Она сидела, откинув голову и прикрыв глаза. Занятия, занятия, занятия... Если ради того, чтобы заниматься тренингом этих глупеньких курочек, мечтающих стать «топ-моделями», надо было восемь лет париться в хореографическом училище – то Татьяна самая большая дура на свете... Отказ во всем – и все-таки она не стала балериной! Все ее планы были расстроены замужеством. Хотя его мамаша, конечно, считала иначе. «Брось, детка, просто у тебя никогда не было особого дарования... Для этого тебе не хватает тонкости в кости и изящества».

Его мать вообще любила напоминать ей о «широкой кости». С этакой улыбкой превосходства. Чертова голубая кровь!

Вспомнив про свою свекровь, Татьяна не смогла удержаться от мстительной улыбки. Приятно, черт возьми, наблюдать падение врага!

Особенно зная...

Звонок телефона заставил ее отвлечься от своих столь приятных мыслей. Она взяла трубку в руки и услышала голос, так хорошо ей знакомый:

– Татьяна Витальевна?

– Я слушаю вас, – сказала она.

– Мы проверили сведения. Все оказалось именно так, как мы и предполагали.

Ее сердце радостно забилося. Она прикусила губу, чтобы не вырвался крик победы. Теперь она может позволить себе расслабиться.

– Спасибо. Когда мы увидимся?

– Когда вам будет угодно, – произнес голос. – Интересующие вас документы у меня в руках.

«Тогда немедленно», – чуть не вырвалось у нее. Слава богу, сдерживать эмоции она научилась давно.

– Я освобожусь к трем часам, – холодно произнесла она. – Вас устроит это время?

Его устраивало. Она положила трубку.

Вскочив, она дала выход чувствам, закружившись в танце.

– Простите...

Резко остановившись, она оглянулась. На пороге стояла Оля Синицина, ее ученица, несколько удивленная тем, что холодная Татьяна Витальевна вдруг превратилась в озорную девицу.

– Я забыла трико... Простите, пожалуйста, что я вам помешала...

Она сдержала улыбку. Глупышка, кто теперь сможет ей помешать?

– Нет, ничего страшного.

Оля не поверила своим ушам. Быстро пробежав к оставленной возле станка сумке, она так же резво вернулась и бросила на мегеру-преподавательницу последний, потрясенный взгляд.

«Ну и ну, – покачала она головой, выйдя из зала. – Девчонки не поверят, что фурия способна быть такой простой и человеческой...»

Спускаясь по лестнице в вестибюль, Оля вспоминала раскрасневшиеся щеки и блестящие глаза преподавательницы. «Будто ее подменили, – думала она. – Что бы все это значило?»

Резкий толчок заставил ее поднять глаза. Прямо на нее смотрели такие глазищи, что Оля уже подумала, что сегодняшний день – самый странный в ее жизни. Человек, нечаянно толкнувший ее, явно куда-то спешил, но остановился и, прижав руку к сердцу, проговорил с легким поклоном:

– Простите, барышня... Я, кажется, задел вас?

– Ничего, – растаяла Оля от этих великолепных глаз, обрамленных черными ресницами, и от этого обращения – «барышня», немного старомодного, но ужасно милого. – Я сама летела вам навстречу, как корова с крылами.

Он рассмеялся.

– Неплохое сравнение... Корова с крылами.

Оля подумала, что здесь ей надо бы обидеться, но это было так смешно, что она не сдержалась и фыркнула.

Он легко поднялся по ступенькам, Оля проводила его мечтательным взглядом и тяжело вздохнула.

Интересно, к кому направлялся этот красавчик? Оля прекрасно понимала, что такие не про ее честь. Но все же, все же, все же...

Она спускалась дальше в туманной дымке мечтаний, поскольку именно в них Оля видела смысл своей жизни.

Поэтому второго джентльмена она толкнула уже сама.

– Смотреть надо, куда идешь.

Голос над ее ухом на этот раз был безжизнен и немного гнусав.

– Простите, – растерялась вконец Оля, чувствуя себя такой неловкой, что хотелось провалиться со стыда.

Ей ответили сухим смешком, от которого Оле стало так зябко и неприятно, что она поежилась.

Она посмотрела вслед его удаляющейся вверх по лестнице фигуре – такой надменной и неприступной, как у какого-нибудь герцога. Правда, Оля никогда в жизни этих самых герцогов не видала.

И вообще ей надо было спешить, поэтому она выскочила на улицу и начисто забыла обоих мужчин, которые встретились ей на лестнице.

Глава 2

Первый раз Володя обнаружил странности сразу после бабушкиной гибели. На похоронах.

Надо сказать, что бабушка раньше была учительницей. Но этого старикана заподозрить в том, что он когда-то был учеником бабы Тони, было совершенно невозможно.

А на ее похоронах было мало народа, и в основном это были ученики и соседи по дому. Только этот старик выделялся в общей толпе и разительно отличался от всех.

Дело было в его трости.

Володя как эту трость увидел, так и смотрел, не в силах отвести взора. Поскольку дорогущая она была – ой-ой-ой! Целое состояние... Да и сам старикан выглядел весьма импозантно.

Ни с кем он не разговаривал, стоял особняком, а потом и вовсе потряс Володино воображение – потому как в конце похорон вдруг подъехал роскошный лимузин, и шофер открыл перед стариканом дверь.

Ну, да и это ладно. Может, заезжий иностранец заехал посмотреть на похороны наших нищих старушек?

Только Володя-то прекрасно видел, что этот старикан плакал – да не просто плакал, а слезами заливался! Душа у старикана так болела, что Володя эту самую боль чувствовал.

Какое отношение сей богач мог иметь к его бабуле, собирающей в качестве придатка к пенсии пивные бутылки? Этот вопрос Володю немного беспокоил, но, не найдя ответа, решил, что дело в каком-то старом, пахнущем нафталином романе. Может быть, бабуля когда-то этому старичку отказала в ответ на его пылкое чувство, неразумно предпочтя красивого, загадочного, талантливого, но абсолютно нищего дедушку?

А через некоторое время, уже после того, как инцидент был забыт, произошла очень странная вещь, немного Володю напугавшая.

А именно – пришел однажды Володя домой с работы и почувствовал: в его скромной, однокомнатной квартирке явно побывал кто-то чужой.

Осторожно все осмотрев, Володя убедился, что у него ничего не украли. Но некоторые книги – Володя сам их расставлял и прекрасно помнил, как они стояли, – оказались переставленными. Например, третий том Вересаева уж никак не мог идти вслед за пятым! – он был готов поклясться, что в его доме пытались что-то найти.

Но – что?

Этого Володя не знал и даже гадать не пытался. Зачем зря стараться?

Потом и это позабылось. В тишине и спокойствии одиночества он провел еще месяц, как вдруг с ним случилось странное и страшное событие.

Его пытались убить...

* * *

После того как мы облазили всю квартиру в поисках «утраченного», мы были вынуждены признать свое поражение.

– Сколько раз я просил... – начал Лариков, свирепо вращая глазами, но гость прервал его:

– При чем тут она, Андрей? Ее же заперли. Сам подумай – что может хрупкая девчонка сделать с двумя бандитами в масках?

Ларчик вскинул на него свои недоумевающие глаза.

– То есть ты предполагаешь, что вся эта комедия была затеяна с целью украсть дело Шлендорфа?

– Я могу только предположить, – усмехнулся он. – Кстати, может быть, ты нас наконец-то познакомишь. Как я мог заключить, это твоя помощница...

– А вас зовут Виктор Сергеевич, – поразила я в ответ моего «заступника».

– Ну, оказывается, мы уже много знаем друг о друге.

– Настолько много, что можно подумать о женитьбе, – съязвила я.

Он рассмеялся.

– Андрей, у тебя прелестная помощница.

– Прелестная-то прелестная, но меня сейчас куда больше волнует проблема Шлендорфа и этой чертовой папки.

Андрей грустно обвел глазами стены, явно пытаясь обнаружить там тайник, который я устроила специально, чтобы спрятать там папку и этим ему досадить, наверное...

– Честно говоря, я ожидал именно такого подвоха, – вздохнул Виктор Сергеевич. – Я же предупреждал тебя, что историйка эта весьма и весьма неприятная. С душком. Начиная с самого Шлендорфа и кончая последствиями его проступков.

Я сидела и чувствовала себя полной идиоткой. Меня в тайны никто посвящать не соби-
рался. С загадочным и печальным видом оба джентльмена обсуждали неведомого мне госпо-
дина Шлендорфа, но, когда обнаглевший Лариков спросил меня, что думаю по этому поводу
я, моему возмущению не было предела.

– Что может думать пальма в кадке? Или вон тот шкафчик? – фыркнула я. – Я вообще не
знаю, кто есть ваш господин Шлендорф, и плохо осведомлена о том, что он там выкинул. Могу
только сказать, что мне не нравится его фамилия – исключительно потому, что я вообще недо-
любливаю немецкий язык, он мне кажется грубоватым. Хотя некоторым немецкий очень даже
нравится, на вкус и цвет товарищей нет. Больше я ничего не думаю, поскольку куда больше,
чем все Шлендорфы на свете, меня интересуют два мерзких типа в масках, которые засунули
меня в ванную. Потому что я терпеть не могу любое проявление насилия над человеческой
волей, особенно над своей.

Высказавшись, я мрачно оглядела их, несколько раздосадованная тем, что они давились
хохотом.

– Придется нам исправиться, – начал Виктор. – Для начала я представляюсь – Виктор
Сергеевич Воронов, частный детектив.

– О боже! – простонала я. – Меня по жизни сопровождают исключительно представители
сыска! Зачем же тогда вам понадобились мы?

– Дело вот в чем, Сашенька... Вы позволите к вам так обращаться?

– Обращайтесь, чего уж там. Хорошо, что не Шурочка.

– Так вот, сам я живу в Санкт-Петербурге и, соответственно, никак не могу справиться с
поисками оттуда. А люди, которых я обязался отыскать, проживают в вашем Тарасове. Андрея
я знаю давно, учились вместе, вот поэтому-то я и побеспокоил его просьбой оказать мне
посильную помощь. Сначала нам казалось, что дело простое – отыскать наследников господина
Шлендорфа.

Собственно, найти надо было одну только наследницу – именно госпожу Баринovu Анто-
нину Ивановну, которой господин Вильгельм Шлендорф завещал огромное состояние. Гос-
пожу Баринovu мы нашли, но – увы! Ровно за день до назначенной встречи Антонину Ивановну
сшиб «Мерседес». Знаете, в чем кошмар, Сашенька? Баринова собирала пивные бутылки –
была нищей! На Шлендорфа это произвело тяжелое впечатление, и он скончался месяц назад
в итальянском городке Брешии.

Казалось бы, мы можем распорядиться наследством в пользу оставшегося у нее внука,
но вот тут-то и начались странности. Во-первых, для того, чтобы все перезавещать ему, нам
нужно было найти ее завещание, которое наверняка имелось, но теперь пропало. А во-вторых,

выяснилось, что у старушки Бариновой было два сына и два внука. Так что теперь мы пытаемся найти пропавшее завещание Бариновой.

– А что говорит внук? – поинтересовалась я.

– А внука точно так же, как и вас, кто-то посетил. Вроде ничего не украли, но в доме побывали. Вот и получается, что некто все знает и это самое завещание попросту увел. Сами понимаете – распоряжаться состоянием Шлендорфа без завещания старушки мы не имеем права. Поэтому надо его найти. Все сведения, которые нам с Андреем удалось собрать о действующих лицах этой истории, были похищены. В общем, мне эта история нравится все меньше и меньше, и я уже не рад, что обязался в свое время господину Шлендорфу найти Антонину Баринову...

– Да уж, вляпались вы в тот день по первое число, – посочувствовала ему я. – Но откуда вы могли это знать? У вас же нет дара предвидения! Может быть, вам надо на всю эту историю плюнуть и предоставить искать наследников социальным властям?

– Есть мои обязательства перед господином Шлендорфом, – развел он руками. – И гонорар, выплаченный мне заранее.

– Ну, раз гонорар у вас, а наниматель давно в иных мирах, вы вполне можете оставить эту компанию в покое.

– А долг? – спросил он.

– Какой? Вы должны кому-то деньги?

– Нет, я имею в виду долг чести. И к тому же – как я буду спать спокойно, зная, что молодой Барин сидит без гроша, а некто пользуется его деньгами, отдыхая на Ривьере?

Мне совсем не хотелось погружаться в это скучное дело. Хватит с меня и беготни за изменяющими красавицами, и поисков денег, исчезнувших из вместительных карманов бизнесменов, и прочего! Теперь вот дурацкое наследство, и вряд ли это дело окажется интересным! Но Виктор Сергеевич был неумолим в своем стремлении втянуть нас в историю:

– Сашенька, я вам хорошо заплачу за помощь. Вы – жители Тарасова, а я весьма плохо знаю ваш город. В Питере мне было бы легко работать – да я и смог проследить путь семьи Бариновых, пока не споткнулся о ваш Тарасов. Оказывается, выяснить подробности из прошлого куда легче в Вене, Зальцбурге, в той же Брешии, но не в Тарасове! Поэтому мне никак не обойтись без вашей помощи, уж не обессудьте!

Я вздохнула. Лучше бы он пришел к нам с парочкой зверских убийств. Не люблю я скучные дела о наследствах!

Но делать было нечего. Нравится Александре Сергеевне или нет, а что господин Ларчик скажет, то Александра Сергеевна и сделает. Такова, увы, общая участь подчиненных...

* * *

Дело, правда, меня увлекло. По мере того как Виктор раскрывал передо мной картину происходивших в оные времена событий, я все больше и больше начинала понимать, что не все истории с наследствами невероятно скучны.

Когда Виктор поехал отдыхать в Италию, он и не знал, что этот отдых станет началом работы. Но его жена (упоминание о ней кольнуло меня в сердце) настойчиво приводила примеры удачливых подруг и сетовала на свою незадавшуюся судьбу. Поэтому Виктор согласился поехать в небольшой городок Брешию, старинный и красивый, к тому же почти курортный и доступный по финансам.

Жена носилась по магазинам, Виктор развлекался осмотром достопримечательностей. Италия его поразила – ничего красивее Венеции, например, он никогда не видел. Романтический антураж Брешии потряс его воображение. Вот там-то он и встретился с одиноким и богатым Шлендорфом.

Судьбоносная встреча состоялась в парке, на лавочке перед огромным прудом с лебедями.

Самого старика Виктор видел уже раньше – тот бывал тут каждое утро, кормил лебедей и печально смотрел в небеса. Виктор случайно толкнул старикана, поднимаясь со скамейки, и извинился на русском. Правда, поняв оплошность, быстренько повторил: «Скузи», но старик взглянул на него и на очень хорошем русском спросил:

– Вы – из России?

Виктор кивнул.

– Да. Из Петербурга.

Старик вздрогнул и ничего не сказал. Виктор решил, что дальнейший разговор не состоится – мало ли какие дурные воспоминания связаны у того с Россией.

Он уже хотел уйти, но старик дотронулся до его руки и спросил:

– Вы верите в провидение?

Честный Виктор был вынужден признаться, что не верит.

– А я верю. Вас послал Господь, чтобы я наконец-то мог искупить свой тяжкий грех перед маленькой девочкой... девочкой, которая по моей вине осталась без средств к существованию.

Будучи сыщиком, Виктор профессионально заинтересовался. Старик сначала помолчал, а потом спросил, нет ли у Виктора знакомого детектива.

– Есть, – потупился скромно Виктор. – Я сам.

Старик окончательно поверил в то, что Виктора притащили на эту скамейку сами ангелы, и так обрадовался, что Виктор начал серьезно опасаться, что он преставится у Виктора на глазах.

– Надо же, как бывает... Ах, Тонечка, Тонечка! Теперь я смогу все исправить...

Переменяя бессвязную русскую речь немецким, итальянским и французским, старик лопотал какой-то бред про деньги, бедную Тонечку и свою негативную роль в ее драматической судьбе довольно долго. Наконец он немного успокоился и, схватив Виктора за руку, горячо прошептал:

– Вы мне поможете ее найти. Я заплачу вам огромные деньги. Если я ее не найду, апостол Петр не пустит меня в рай.

Виктор сомневался в том, что где-то действительно расхаживает по небу апостол с ключами на поясе, но старик ему понравился, да и жалко его было очень, поэтому на приглашение выпить по чашке чаю он ответил согласием. И скоро оказался в палатке господина Шлендорфа, где застыл, потрясенный великолепиям.

Такого он не видел нигде – даже в фильмах.

* * *

Он прервался. Заметив в своих глазах блеск, усмехнулся:

– Видите, Сашенька, вас уже захватила эта история – а я, можно сказать, видел зрительный ряд этого фильма. Если честно, мне казалось, что я действительно смотрю фильм, в котором сам принимаю участие. Представьте себе настоящий палаток – с колоннами, увитыми диким виноградом, с небольшим фонтаном во дворике. А внутри – о боже! Старинная мебель, странным образом гармонирующая с новомодными светильниками, а по стенам – рыцарские доспехи и картины старых мастеров! Встретил нас лакей в ливрее, которому Шлендорф отдал какие-то распоряжения, и мы поднялись в его кабинет. Я чувствовал себя потерянно в этом великолепии и только в кабинете позволил себе немного расслабиться – здесь роскошь была более умеренной.

Там было огромное количество книг, где старинные фолианты мирно соседствовали с новинками книгоиздательств.

Шлендорф позвонил в колокольчик, на пороге выросла молоденькая горничная, которой было приказано принести две чашки чая. Очень скоро она вернулась с подносом, уставленным старинными чашками с потрясающим чаем, пахнущим травами.

Как только горничная удалилась, старик встал и принес из глубины кабинета фотографический портрет.

– Вот, – поставил он перед Виктором фотографию в рамке. – Это и есть семья Карниловых. Маленькая девочка в кудряшках – Тонечка Карнилова. Ах, как же я виноват перед ней, майн готт!

Он покачал головой и прикрыл глаза ладонью. Виктору показалось, что старик сейчас расплчется, и, дотронулся до его морщинистой руки.

– Нет, я уже давно перестал оплакивать свой грех. А сейчас я могу исправить совершенное когда-то, но сначала выслушайте мою историю. А потом мы вместе с вами подумаем, как можно найти Тонечку Карнилову. Хорошо?

Что оставалось Виктору? Он кивнул, соглашаясь с предложением несчастного старика, искренне надеясь, что его рассказ не затянется надолго. Тем более что, бросив взгляд на часы, убедился, что время хождения по магазинам жены подходит к концу. Но старик уже начал свой рассказ, и Виктор увлекся, как теперь увлеклась я.

Глава 3

Сначала Володя даже и не понял, что его пытались убить. Произошло все довольно глупо – он сдал кассу, оставшиеся кассеты, а на заработанные проценты затаривался едой, как вдруг что-то острое резко ткнулось ему в бок. Володя отпрыгнул и посмотрел в ту сторону. Никого там, кроме пожилой дамочки, не было, но Володе показалось, что рядом с ним стоял раньше мужик в майке «Титаник» и широких брюках.

Теперь же сей мужик приценивался к сливам в отдалении от Володи, но Володя был готов поклясться, что он поглядывает в Володину сторону. Володя постарался забыть про этот случай и спокойно возвратился домой, где обнаружил, что у него кончились сигареты. Делать было нечего, несмотря на то, что сигареты в ночном киоске стоили в два раза дороже, Володя отправился за ними.

Возле дома его чуть не сбил «Мерседес». Слава богу, Володя успел отскочить и, пропахав носом асфальт, упал. Боль была нестерпимой. Володе даже показалось, что он что-то сломал – он боялся пошевелиться, но, осторожно ощупав ногу, убедился, что только ушиб ее.

– О господи! – Володя осмотрелся. Редкие прохожие старательно делали вид, что собственных проблем у них не меньше, чем у Володи, и им недосуг помочь этому странному парню подняться.

«Как будто я похож на пьяного. Или их расстреляют за то, что они мне помогут...»

Подняться ему помог симпатичный дядечка лет тридцати пяти, с усами.

– Господи, ну и уроды! Совсем ездить не умеют – обнаглели!

Володя поднял глаза на своего спасителя.

– Кажется, они нас преследуют, – несмело пошутил он, содрогаясь от собственного юмора. – Мою бабушку Тоню сшиб точно такой же «мерин». Может быть, у них пролетарская ненависть к потомкам дворянства?

– Пойдите, как ваша фамилия? – живо заинтересовался мужчина.

– Моя? Баринов. А что?

– А бабушку вашу звали как?

– Антонина.

– Ивановна? В девичестве – Карнилова?

Володя кивнул, удивленно наблюдая, как на лице его собеседника возникает улыбка.

– Надо же, я должен отправить владельцу этого, как вы выразились, «мерина» букет роз! Именно вас я и ищу. Позвольте представиться – Виктор Сергеевич Воронов.

Вот так они и встретились, и то, что рассказал Виктор Володе, повергло того в шок. Сначала он никак не мог понять, почему бабуля, собирающая бутылки, так понадобилась миллионеру из города Брешии. А когда до него дошло, что и он теперь вроде как является миллионером, только бы найти завещание бабушки, ему стало страшно.

Потому что он совершенно не мог представить себя в этой – такой новой для него – роли!

* * *

– Собственно, когда я с ним познакомился, я был в растерянности. Ну, сами представьте себе убогую комнатуху и перепуганного насмерть парня, которому сообщают, что его бабуля – наследница огромного состояния.

Виктор Сергеевич рассмеялся.

Я уже была в плену этой истории. Ах да, я же не рассказала о самой Тонечке. Именно эта часть истории пленила меня, как всякую женщину, своей простотой и романтичностью.

Итак, Тонечка. Маленькая девочка с каштановыми кудрями и небесно-голубыми глазами была дочерью лейб-медика Его Императорского Величества. А Шлендорф был помощником этого лейб-медика.

Главным сокровищем в семье почитались книги, а то, что госпожа Карнилова, в девичестве Браусбери, с истинно английской простотой воспитывала дочь, не было в то время в диковинку. Правда, молодой госпоже Карниловой не нравилась Россия, которую она находила очень странной и дикой страной, но ее муж наотрез отказывался уехать отсюда, и Анне приходилось все терпеть. И лютую стужу зимой, и отвратительную жару летом, и сквернословие извозчиков, и склонность к сплетням высшего общества.

Но когда случилась эта проклятая революция и извозчики начали вламываться в дома и мочиться в супницы мейсенского фарфора, – о нет! Этого Анна вынести уже не могла и потребовала от Карнилова немедленного отъезда.

Они уже собирались уезжать – надо было только забрать из Тарасовской губернии дочь. Там она гостила у родного брата Карнилова, священника. О нем надо бы рассказать особо.

С юности молодой Карнилов твердо решил связать свою судьбу со священством, оставил блеск светской жизни и уехал в тогдашнюю тарасовскую глушь. Тонечка его очень любила, как и все его многочисленное семейство, – у отца Андрея рождались исключительно девчонки, поэтому Тонечке было весело.

Ехать за малышкой было назначено именно Шлендорфу, тогда еще совсем молоденькому. Но...

Обстоятельства сложились так, что родители в Англию выехать не успели. Все для них закончилось в тот самый день, когда Шлендорф должен был отправиться в Тарасов. В планы новой власти бегство Карнилова совершенно не входило, в дом ворвались солдаты, а потом... Банальная для тех дней история! Перед своим арестом Анна успела только попросить Шлендорфа позаботиться о маленькой Тоне, а Иван Михайлович передать все ценности для девочки. Больше об их участии Шлендорф ничего так и не узнал, хотя пытался. Следы затерялись в анналах страшного времени, когда слово «расстрелять», увы, было одним из самых привычных...

Шлендорф сначала честно поехал в городок Ахтырск Тарасовской губернии. Поехать-то он поехал, но оказался вместе с заветным сундучком вовсе не там, а в городе Брешия, в Италии. Правда, случилось это по его вине лишь отчасти, но всю жизнь не давал ему покоя образ маленькой девочки с каштановыми локонами и ясными глазами.

А случилось это так. Встреченный по дороге приятель Шлендорфа почти силой заставил его влезть в эшелон, увозящий за границу представителей английской державы, и, так как этот приятель был сыном дипломата, Шлендорфу удалось беспрепятственно вывезти из России Тонечкино наследство. К чести Шлендорфа нужно отметить, что об истинной ценности благословенного чемоданчика он узнал только в Англии. И был в ужасе оттого, что произошло с ним, и всю жизнь пытался Тонечку отыскать, но – увы! Он смог только проследить ее путь до пятнадцати лет, а потом ее след безнадежно терялся, и Шлендорфу даже пришлось в голову, что бедняжки давно нет в живых. Сам он благодаря драгоценностям очень быстро разбогател, продав часть изумрудов и открыв свое дело, но так и не женился, и наследников у него тоже не было. Хотя он-то считал совершенно иначе. Он был свято уверен, что одна наследница у него есть.

Тонечка Карнилова.

* * *

– Но я все равно не понимаю, в чем ваши проблемы... – Я перевела растерянный взгляд с Ларчика на Виктора. – Ведь этого Володю вы нашли, разве нет? Значит, можно выполнить

последнюю волю Шлендорфа, и уж вовсе не нужны никакие бабушкины завещания. Внуки-то у нее есть.

– В том-то и дело, что у старой Антонины Ивановны было двое сыновей. И внуков тоже двое. Поэтому без завещания обойтись трудно.

– А если его просто разделить поровну? Это баснословное состояние.

– Да можно было бы поступить и так, только вот проблема в чем. Володю пытались убить. В его квартире что-то искали. Дело приняло уже уголовный характер, понимаете, Саша? Да и случай со старушкой я бы не назвал просто трагической случайностью. Вот почему я и решил на свой страх и риск продолжить расследование обстоятельств ее смерти – слишком странным мне показался этот случай. И вот что я обнаружил. Этот «Мерседес» видели не раз возле дома, где проживали Бариновы. До смерти Антонины Ивановны. А после нее...

Он сделал эффектную паузу.

– После, само собой, он исчез, – закончила я за него. – Фьють – и нету... Понятно. А кому он принадлежит, владельца не заметили соседи?

– Приметили. Этаким коротко стриженный малый в широких брюках и майке с идиотской надписью и портретом красавчика Ди Каприо. Вообще он им запомнился потому, что нисколько не соответствовал своей машине.

– Понятно, – кивнула я, представляя себе образ подозреваемого. Прямо скажем, образ получился такой распространенный, что в глазах зарябило от обилия подобных юношей на наших многострадальных улицах.

– Скорее всего, наемник. Даже не киллер, простая шестерка, – проговорил задумчиво доселе молчавший Ларчик.

– Или человек, желающий таковым казаться, – заметила я. – Не надо отмечать и такой вероятности.

– Ну, и что мы будем делать? – спросил Виктор. – Оставим парня в беде, не сумев ему ничем помочь, или...

– О чем разговор? – воскликнули мы. – Конечно, или! Еще как – или!

На том и порешили. Встречу с Володей мы назначили на следующее утро, а с его теткой, то есть вдовой умершего старшего брата Володиного отца, решили поговорить попозже. Правда, первым к ней должен был отправиться Ларчик.

Сначала я кивнула, соглашаясь, но потом посмотрела на Ларчика и поинтересовалась, почему в его фразе прозвучало слово «первым». И кто отправится к ней вторым, к тому же почему Ларчик думает, что он не вернется от этой женщины живым?

– Как это? – не понял меня босс.

– Ну, если ты предполагаешь, что ты отправишься к ней первым, а потом туда должен будет идти другой человек, значит, ты не уверен, что останешься в живых. А вторым человеком явно намереваешься послать меня. Давай уж тогда договоримся и с третьим, а то я тоже могу пропасть.

– Александра! – Лариков воздел руки к небесам. – Иногда мне кажется, что ты нарочно устроилась ко мне на работу, чтобы свести с ума своими шуточками!

– Неправда, я устроилась из чисто меркантильных соображений, – честно призналась я. – Моя алчная натура никак не могла согласиться с маленькой зарплатой учительницы, и я попала в твою дурную компанию...

– А кто вы по специальности? – наконец-то спросил Виктор Сергеевич. – Я думал, что вы, как и Андрей, из юридического.

– Ну что вы... Я специалист по старофранцузскому языку, единственный в своем роде, между прочим. Для того, чтобы я подобным образом удовлетворила свое тщеславие, мне пришлось найти старенького преподавателя... Пойдите!

Воспоминание о Юрии Аристарховиче заставило меня вскочить.

Я же еще раньше почувствовала, что фамилия «Баринов» где-то когда-то уже звучала... И именно сейчас, благодаря моему невинному хвастовству, я отчетливо вспомнила, с чем это связано.

Баринов. Михаил Нилович Баринов.

«Был очень талантливый человек, Сашенька, необыкновенно способный. Он мог бы помочь вам лучше, чем я. Не хочу рассказывать вам всего, но один человек сыграл в его жизни роковую роль. Поэтому вам придется довольствоваться моей скромной персоной...»

Насколько я знала, мой старенький преподаватель был еще жив!

– Что с тобой? – спросил меня Лариков.

– А?

Я не была уверена, что мои сведения окажутся бесценными. Надо сначала все разузнать хорошенечко, а уж потом оглушить моего несчастного шефа важной информацией.

– Нет, ничего. Так почему ты предлагаешь отправиться мне к этой даме?

– Мне она может ничего не сказать. А тебя мы к ней пристроим в качестве ученицы.

– Она швея? – с надеждой спросила я. Шить я никогда не умела, но страстно хотела научиться.

– Нет, у нее школа топ-моделей...

– Что? – воскликнула я. – Ты с ума сошел, Лариков! Какая из меня топ-модель? Ты посмотри на мои параметры!

Ларчик осмотрел меня, явно пользуясь разрешением, с огромным, я бы сказала, интересом и удовлетворенно произнес:

– Вполне приличные параметры.

– Вот именно – чересчур приличные! Ты бы меня еще в балет отправил, ей-богу!

– Саша, успокойся, я же тебя не в бордель отправляю...

– Нет уж, – свирепо сказала я, – лучше отправь меня в бордель! И то, знаешь ли, приличнее, чем в топ-модели! Не хочу, чтобы надо мной смеялись!

– По-моему, вы немного недооцениваете свою внешность, Саша, – мягко вступил в разговор Виктор Сергеевич. – Вы очень красивая девушка, честное слово.

– Спасибо, – буркнула я.

Больше всего на свете я ценила мужскую вежливость.

Как любит говорить моя подруга Людка, мелочь, а приятно...

Глава 4

Этого молодого человека Татьяна вычислила сразу – стоило только ему появиться у входа в кафе, где Татьяна пила кока-колу в ожидании важной встречи, как она уже поняла – это именно тот, кто назначил ей эту встречу.

Во-первых, он близоруко шурился, пытаясь распознать, «которая ж Татьяна». А во-вторых, наметанный глаз Татьяны быстренько определил принадлежность этого высокого парня к сыскарям. А следовательно – это и есть Андрей Юрьевич Лариков.

Только не подумайте, что Татьяна была в неладах с законом – упаси боже! Просто в Татьяниной жизни было столько разнообразных мужчин, что она научилась с ходу определять, кто перед ней. А уж про бизнесменов и сыщиков и говорить не приходится – этих Татьяна определяла моментально, как если бы на них стояли определяющие профессию тавро.

Она взмахнула рукой. Андрей Юрьевич улыбнулся ей, и она призналась себе, что у него очень обаятельная улыбка.

– Доброе утро, – сказал он, опускаясь на соседний стул.

– Доброе утро, Андрей Юрьевич...

Они помолчали, не зная, с чего начать разговор. Андрей украдкой рассматривал эту потрясающе красивую женщину, но – бог ты мой, сколько же в ней было шарма! Любая красотка умерла бы от зависти. Когда Татьяна махнула ему рукой, он уже тогда заметил изящество и плавность жеста. Татьяна отличалась способностью извлекать пользу даже из собственных недостатков. Даже то, что ее глаза немного косили, она сумела превратить в необходимое дополнение к общему сногшибательному впечатлению.

Сомнений не было – перед Андреем Лариковым сидела настоящая женщина, и он, к собственному ужасу, начал обнаруживать в себе первые признаки легкой влюбленности.

– Так вас интересует моя родственница Баринава...

Ее голос был низким, с легкой хрипотцой. Когда она достала изящную сигаретку и задумчиво посмотрела вдаль своими очаровательными глазами, Андрей уже таял как свеча, даже не пытаясь сопротивляться. Даже то, что она была лет на пятнадцать старше его, срабатывало сейчас в ее пользу – Ларикову казалось, что женщина его мечты должна быть именно старше его.

– Да, – сказал он, радуясь, что голос прозвучал нормально, как ему казалось, не выдавая его истинных чувств. Легкая улыбка тронула чувственные Татьянины губы.

– Я, знаете ли, очень плохо знаю ее маленькие тайны. Видите ли... Я могу быть с вами откровенной?

– Конечно.

– Так вот, Андрей Юрьевич, вся беда в том, что мы никогда не находили общего языка с Антониной Ивановной. Не скрою, я тоже была в этом виновата. Поэтому мы с Дмитрием предпочли уехать на квартиру и встречались с ней крайне редко, а уж после смерти Дмитрия...

Она махнула рукой с плохо скрываемой горечью.

– После его смерти мы вообще не виделись. Никита никогда не брался ею в расчет, она посвятила себя воспитанию Володи.

– Простите, а ваш муж... Он умер естественной смертью?

– Нет, – она подняла на него глаза. – Он попал под машину.

Андрей вздрогнул. Что за рок тяготеет над этой семьей? Автомобильная катастрофа... Смерть под колесами. Случайность – или нет? Пока он не мог этого понять, но внутренний голос призывал его обратить внимание именно на странные стечения обстоятельств, преследующие семейство Бариновых.

– Так что я не смогу помочь вам в открытии фамильных тайн. Все, что я знаю, это то, что Антонина Ивановна росла у своего дяди, священника, а ее муж, которого мне не довелось

увидеть, был, судя по фотографиям, красивым мужчиной и уж никак не являлся сыном сибирского крестьянина, за которого тщился себя выдать. Поскольку я никогда не встречала сибирских крестьян, прекрасно владеющих пятью языками и умеющих играть на трех инструментах.

Он улыбнулся.

– Значит, вы думаете, что все это было легендой?

– Я не думаю, – передернула она плечиком. – Я стараюсь последнее время вообще ни о чем не думать. Но вполне может случиться, что фамилия Баринов никакого отношения к нашей семье не имеет. Почему он решил сменить свою фамилию – боюсь, нам этого уже не дано узнать... Кстати, можно поинтересоваться, чем вызван ваш интерес к бабушке Тоне?

– Наследство, – сказал он, внимательно глядя в ее глаза.

Она отшатнулась, удивленная сверх всякой меры.

– Насле-едство? – переспросила она. – У кого – у Антонины Ивановны?

Она рассмеялась.

– Вы хоть знаете, в какой они жили бедности? Что, бабушка оказалась миллионершей Корейко?

– Нет, причитающееся ей наследство нашло ее немного поздно, – грустно заметил Лариков. – И теперь мы пытаемся найти ее завещание, дабы этим ее наследством распорядиться дальше.

– И большое там наследство? Может, вам не стоит так утруждать себя?

Она не скрывала иронии.

– Стоит, Татьяна Витальевна. Общая сумма составляет двадцать пять миллионов долларов, не считая великолепного палаццо в итальянском городе Брешия.

– Она что, оказалась мадам Морган? – с замиранием сердца спросила Татьяна. – Дедушка Миша действительно носил чужую фамилию, а на самом деле был потомком царского рода?

– Нет, – не смог удержать улыбки Лариков. – Думаю, что он вряд ли относился к царскому роду. Единственное, что нам известно, что наследство это оставил некий господин Шлендорф.

Она вздрогнула. Он удивленно посмотрел на нее. Татьяна провела по волосам рукой, пытаясь скрыть волнение. Губы ее повторили беззвучно «Шлендорф... Не может быть».

– Вы слышали эту фамилию?

Андрей подался вперед, рассчитывая на ее откровенность. Но она как-то немного испуганно посмотрела на него и, облизав пересохшие губы, покачала головой.

– Нет, я просто немного потрясена. Рассказанное вами настолько удивительно, что никак не укладывается в моей голове. Шлендорф... Кто это?

Он внимательно смотрел на нее, прекрасно понимая, что она лжет и уже слышала эту фамилию. Именно поэтому она так испугалась – но чего? Не безобидного же старикана, который к тому же уже умер?

– Помощник отца Антонины Ивановны, – пояснил Андрей. – Он умер.

– О, какая жалость.

– Он был очень стар, до ста лет ему не хватало всего одного года... Так что, мне кажется, смерть была для него избавлением. Хотя, по рассказам очевидца, он неплохо выглядел и держался молодцом.

– И что... у него не было родственников?

Андрею показалось, что Татьяна задала этот вопрос не из праздного любопытства. Она слишком нервничала, сжав руки так сильно, что забыла о производимом впечатлении.

«Стоп, Андрей. Почему женщина, главным условием существования которой является успех, сейчас начисто забывает о производимом эффекте? Что ее так напугало?»

– Нет, – ответил он, не сводя с нее взгляда. – Он был совершенно одинок. Почему вы так испугались?

– Я? – почти вскрикнула она. – Вам показалось. Все нормально. Значит, наследство... А как вы думаете, мой сын... Он имеет право на часть этого наследства?

* * *

Чашечка кофе с утра способна поднять и мертвого. Таково было мое убеждение, а если к чашечке кофе прибавить хорошенький блюз, то можно смело рассчитывать на жизненный успех...

Ура, мой старенький преподаватель был сегодня дома, и я спешила к нему, поэтому блюз я дослушала только до половины. Чашечка же кофе выпилась стоя, при этом я понаблюдала жизнь голубей на соседней крыше и поняла, что голуби очень симпатичные и спокойные существа – с утра они мирно расхаживают взад-вперед, совершенно игнорируя всяческую суетность нашей с вами жизни. Просто Соломоны какие-то, а не птицы!

Однако пора было лететь стремглав в старенький дом на набережной, где в коммуналке доживал свой век мой Юрий Аристархович.

Я выбежала из подъезда и сразу натолкнулась на своего друга Пенса, болтающегося возле своей «Судзуки».

– Привет, – бросила я на ходу. – Простите, сэр, что не могу приостановить свое движение для приятной беседы с вами, но – увы! Жизненные обстоятельства вынуждают меня двигаться в бешеном темпе...

– Встретимся вечером, – коротко кивнул мой все понимающий друг.

Я внедрилась в переполненный автобус и наконец-то позволила себе подумать. Например, почему Шлендорф так поздно решил облагодетельствовать Антонину Баринову? Ну, это более-менее понятно... Он все-таки составил свое состояние – фу, какая ж фраза дурацкая! – благодаря Антонининым камешкам. Но на тот свет все это не утащишь, поэтому он решил совершить акт благородства, ничего ему не стоящий.

Не нравился он мне. Что-то было здесь не так. А что?

Даже мелькнула мысль, что он хотел кому-то насолить.

И почему старушка так скоропостижно попала под «мерина», стоило только ей стать «наследницей»? Или я, как всегда, по словам Ларикова, будоражу свои нервы разгулявшимся воображением?

Автобус двигался медленно. Мы то и дело попадали в пробку, и я уж начинала нервничать.

Времени у меня было не очень много, и зачем столько машин, если передвижение по городу превращается в какой-то сумасшедший катаклизм? Лучше бы все ездили автобусами, тогда было бы куда легче!

Наконец мы все-таки вырулили на центральную улицу, по которой довольно быстро домчались до Набережной.

Дом, в котором жил Юрий Аристархович, находился в самом ее конце, и там делали ремонт. Поэтому, когда я подошла к подъезду, меня обдало облаком пыли и я чихнула. Подняв глаза, я увидела растерянную физиономию, молвившую:

– О, простите...

– Бывает и хуже. Например, когда на тебя падает кирпич, – философски заметила я.

Он фыркнул.

– Как же – я испачкал такую хорошенькую девушку!

Я решила, что, несмотря на обаяние этой личности с ярко-голубыми глазами, у меня нет времени на счастье, и, напустив на себя вид несокрушимой добродетели, шагнула в подъезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.